

РЯД ОТГЛАГОЛЬНЫХ НОМИНАТИВОВ КАК «ДИФфуЗНАЯ ЗОНА»
МЕЖДУ НОМИНАТИВНЫМ И ИНФИНИТИВНЫМ РЯДОМ

Голикова О.М.

РЯД ВІДДІСЛІВНИХ НОМІНАТИВІВ ЯК «ДИФфуЗНА ЗОНА» МІЖ НОМІНАТИВНИМ ТА
ІНФІНІТИВНИМ РЯДОМ

В статті описано номінативні ряди віддіслівних іменників як «дифузна зона» між номіна-
тивними та інфінітивними рядами. Аналізується ступінь вираження динаміки, процесуальності у
віддіслівному іменнику та інфінітиві, а також проводиться порівняльний аналіз експресивності но-
мінативних рядів віддіслівних іменників та інфінітивних рядів.

Ключові слова: номінативний ряд, віддіслівний номінативний ряд, інфінітивний ряд, «дифуз-
на зона», прегнантність, ефект виразності.

Голикова О.Н.

РЯД ОТГЛАГОЛЬНЫХ НОМИНАТИВОВ КАК «ДИФфуЗНАЯ ЗОНА» МЕЖДУ НОМИНА-
ТИВНЫМ И ИНФИНИТИВНЫМ РЯДОМ

В статье описываются номинативные ряды отглагольных существительных как «диффузная
зона» между номинативными и инфинитивными рядами. Анализируется степень выраженности ди-
намики, процессуальности в отглагольном существительном и инфинитиве, а также проводится срав-
нительный анализ экспрессивности номинативных рядов отглагольных существительных и инфини-
тивных рядов.

Ключевые слова: номинативный ряд, отглагольный номинативный ряд, инфинитивный ряд,
«диффузная зона», прегнантность, выразительный эффект;

Golikova O.N.

ROW OF VERBAL NOMINATIVES AS THE “DIFFUSION AREA” BETWEEN NOMINATIVE AND
INFINITIVE ROW

The article deals with nominative rows of verbal nouns as a “diffusion area” between nominative and
infinitive rows. The dynamics expressiveness degree, processiveness in the verbal noun and infinitive are
analyzed, as well as the comparative analysis on expressiveness of nominative rows of verbal nouns and
infinitive rows is conducted.

Key words: nominative row, verbal nominative row, infinitive row, “diffusion area”, pregnancy,
expressive effect.

Предметом нашего научного интереса яв-
ляются номинативные и инфинитивные ряды в
художественном тексте.

Новейшие исследования в области грамма-
тики поэтического текста направлены на раскры-
тие всех стилистических и структурно-семантиче-
ских возможностей основных грамматических ка-
тегорий в поэтическом тексте. Е.А. Скоробогато-
ва справедливо замечает: «Стилистика и поэтика
не только морфологических единиц, но и их соче-
таний и последовательностей в тексте предпола-
гает опору на их языковой потенциал, включаю-
щий типические и нетипические значения, формы
и функции» [9, с.47-55].

В основе нашего определения номинатив-
ных и инфинитивных рядов лежит морфологичес-
кая природа стержневых компонентов ряда, а имен-
но – имени существительного в именительном па-
деже (номинатива) и инфинитива.

Под номинативным рядом мы понимаем
последовательность морфологически однородных
номинативов, объединенных композиционной ро-

лю и связанных с определенным приемом пост-
роения текста. В большинстве случаев они могут
быть синтаксически однородными или однотипны-
ми.

*Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на белых плечах.
Томный голос пенем нежным
Мне поет о южных ночах
[А. Блок].*

Под инфинитивным рядом мы понимаем
последовательность морфологически однородных
инфинитивов, объединенных композиционной ро-
лю и связанных с определенным приемом пост-
роения текста. В ряде случаев они могут быть син-
таксически однородными.

*И медлить. И вращать корнями в зем-
лю.*

*И подниматься в небо из травы.
Уже меня охватывает зеленью,
как пламенем под ветром мировым
[И. Евса]*

Мы рассматриваем номинативные ряды

разных типов, в том числе ряды, членами которых являются отглагольные существительные.

*Вся жизнь моя, и мука,
И боль до встречи этой –
всего лишь отзвук звука,
Всего лишь отсвет света*

[И. Евса]

Мы разделяем гипотезу профессора Е.А. Олексенко о том, что такие ряды обладают особым характером проявления выразительности по сравнению с номинативными рядами другого типа, а также инфинитивными рядами, представляя собой некую «зону диффузности» между ними.

Цель этой статьи – рассмотреть номинативный ряд отглагольных существительных как «диффузную зону» между номинативным и инфинитивным рядом. Такая цель предполагает сравнение степени выраженности динамики, процессуальности в отглагольном существительном и инфинитиве, а также сравнительный анализ экспрессивности номинативных рядов отглагольных существительных и инфинитивных рядов.

Мы считаем, что существительное отглагольного происхождения содержит во внутренней форме больше динамики, процессуальности, нежели существительное другого типа. На шкале проявления абстрактности отглагольное существительное является более абстрактным, а инфинитив более динамичным. Что касается выразительных эффектов, то на грамматической основе ряда отглагольных существительных часто создается эффект «эмоционального напряжения», «динамики чувств, событий» в отличие от эффекта статики, созерцательности, который возникает на основе рядов номинативов другого типа. Например:

*Понедельник ли, среда?
Шелест шепота повсюду.
Склоки, споры, пересуды...
О поэтова среда!*

[И. Евса]

Использование номинативных рядов позволяет «создавать лаконичные, по выражению емкие, образные и весьма динамичные (при употреблении отглагольных существительных) словесные картины» [10, с.262]. Например:

*Попытка дикая угона –
отказ –
угрозы –
перестрелка –
пожар –
ожоги –
раны –
стоны...*

[С. Потимков].

Сравним приведенный выше пример со следующим:

Сухой оранжевый рассвет –

как взгляд больных тысячелетий.

Пустого солнца силуэт.

И в Мекку странствующий ветер

[там же].

В данных строфах представлено описание действия (пример 1) и описание места (пример 2).

Рассмотрим примеры из художественной прозы:

И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голоса да гулкой стук сыпаемых в меры и кадушки яблок [И. Бунин];

Летний жаркий день, в поле, за садом старой усадьбы, давно заброшенное кладбище, – бугры в высоких цветах и травах и одинокая, вся дико заросшая цветами и травами, крапивою и татарками, разрушающаяся кирпичная часовня [там же].

В первом примере центрами ряда являются номинативы, описывающие действия (процессы), что придает картине определенную процессуальность. Во втором примере номинативный ряд организует статическое описание пейзажа.

Закономерной является мысль о том, что природа эффектов выразительности рядов, в том числе зависит от типов членов ряда. В этом смысле номинативные ряды отглагольных существительных отличаются большей степенью процессуальности и динамичности по сравнению с другими типами номинативных рядов.

Рассмотрим в сопоставлении такие члены ряда, как номинатив как таковой, отглагольное существительное и инфинитив.

Наряду со многими исследователями, В.В. Колесов утверждает, что в русском языке (как в одном из индоевропейских) прослеживается категориальное противопоставление имени глаголу, которое «последовательно поддерживается и семантически, и синтаксически в структуре любого предложения» [5, с.213]. Далее ученый говорит о том, что формы типа *мышление* или образования типа *натурность моей сигареты* (у Бальмонта), которые активизировались в языке на современном этапе, фиксируют «стремление к максимально абстрактному действию через обозначение такого действия именем» [там же].

Инфинитив, названный А.М. Пешковским «загадочной по своему современному значению категорией глагола» [8, с.128], до сих пор остается загадкой для исследователей. Эта форма неоднозначно интерпретируется, служит источником противоположных мнений при научном анализе самых важных вопросов грамматики, касающихся, например, описания частей речи в русском языке, синтаксиса простого и сложного предложений,

категорий модальности, предикативности и т.д. *Отыменное происхождение* инфинитива [6, с.194-198], наличие у него специфических, не свойственных финитным глаголам свойств сочетаемости обусловили расхождение уже при определении его частеречной принадлежности. В ряде исследований инфинитив выделяется в отдельную часть речи (фортунатовская школа), иногда в большей или меньшей степени сближается с именами существительными. Так, Пешковский характеризует инфинитив как «*существительное, не дошедшее на один шаг до глагола*» [8, с.131]. В концепции Шарля Балли «инфинитив ... является транспозицией глагола, позволяющей последнему играть роль существительного» [1, с.326]. И.Р. Выхованец объясняет отнесенность инфинитива к глаголу лексическим значением, «поскольку он выражает значения действия, состояния и процесса» [4, с.284] (перевод наш – О.Г.). При этом важно принять во внимание то, что инфинитив «лишен практически всех грамматических категорий глагола» [там же]. Как отмечает В. Скаличка, природа инфинитива не может быть объяснена с учетом лишь отдельных признаков этой формы, которые усматривались «или в отсутствии морфологических свойств глагола, или в отсутствии грамматического значения, или в принятии морфологических и синтаксических свойств имени, в употреблении инфинитива в качестве «второго глагола» в предложении, или в модальной функции инфинитива» (цит. по: [2, с.4-5]). По мнению Скалички, ответ на вопрос о сущности инфинитива следует искать в комплексности его функций. «Инфинитив имеет несколько функций. Первая, основная функция – дополнение модальных и так называемых фазовых (т.е. со значением начала, конца или продолжения действия) глаголов, к этой основной функции присоединяются следующие моменты: момент отсутствия грамматической функции и элемент модальный. Два других момента обозначают усиление субстантивного характера инфинитива: употребление инфинитива в качестве подлежащего или дополнения и употребление его в качестве обстоятельства» [там же].

Многие современные ученые полагают, что «в системе частей речи возможны промежуточные образования, которые или распределяются соответствующими группировками между различными частями речи, или представляют собой морфологические двучастеречные общие формы с заложенными в них потенциальными закономерностями закрепления за грамматическими сферами» [3, с.81] (перевод наш – О.Г.). К таким образованиям относится и инфинитив, который характеризуется как специфическая межчастеречная форма, лишенная четких морфологических характеристик и используемая двумя основными частями речи – глаголом и существительным [там же]. По мнению

И.Р. Выхованца, инфинитив выступает первой (синтаксической) ступенью транспозиции глагола в существительное, при которой закрепленность за сферой имен существительных проявляется в его синтаксических позициях, а принадлежность к глаголу – в использовании с аналитическими синтаксическими морфемами, глагольными модификаторами [там же].

В.М. Брицын подчеркивает, что анализ инфинитива в составе предложения обнаруживает его отчетливо выраженные предикативные функции, связанные не с названием явлений, как это свойственно, например, отглагольным существительным, а с обозначением проявлений [2, с.23]. В плане использования инфинитива в предложении обнаруживается регулярная ориентированность этой формы на реальный или потенциальный (обобщенный, неопределенный) субъект.

И.Р. Выхованец справедливо указывает на то, что инфинитив «зачислился к глаголу на основании лексического значения, поскольку он выражает значение действия, состояния и процесса» ([4, с.284] – перевод наш – О.Г.). При этом внимание акцентируется на том, что «инфинитив лишен почти всех грамматических категорий глагола; он не имеет основных собственно-глагольных категорий – категорий времени и наклонения, категория вида сама по себе не может репрезентовать морфологическую глагольность инфинитива, потому что видовой признак характерен и для отглагольных существительных; инфинитив не выражает и транспонированных в глагол от существительного категорий лица, рода и числа» ([там же] – перевод наш – О.Г.). Ученый приходит к следующему выводу: «Если по своей семантике инфинитив находится в сфере глагола, то по морфологическим признакам он выходит за ее пределы» ([там же] – перевод наш – О.Г.).

Тем не менее, инфинитив отличается наличием *лимитативности* – важнейшего критерия глагольности. Речь идет о глагольных категориях предельности и результативности, достаточно подробно описанных в русской лингвистике. Лимитативность относится к сфере языковой семантики, в то время как вид – к сфере грамматики. Всеохватность категорией вида форм русского глагола (в том числе – инфинитива) не подвергается сомнению.

Осмысливая «грамматичность» инфинитива, М.В. Панов справедливо замечает: «Инфинитив не стоит один-одинешенек. Он входит в совокупность форм, которые принадлежат тому же слову – глаголу, вместе с ними он и составляет глагол. И среди форм того же глагольного слова, несомненно, будут формы со значением наклонения, и времени, и лица. И такая семейственность, такое родство с формами наклонения, времени отражается и в самом инфинитиве. Он – внеличная фор-

ма, соотношенная с личными и безличными: *Капать, литься, журчать... Вот весеннее дело воды!* (Внеличные формы, инфинитив); *Вода с крыши капает, льется, журчит в желобе...* (Личные спрягаемые формы); *Всюду капало, лилось, текло...* (–Безличные формы)» [7, с.128-129]. Далее ученый резюмирует: «Видно, что инфинитив – не одиночка среди глаголов. Он в качестве внеличной формы соотношен с личными и безличными. И, как они, процессуален. Глагольные формы изменяются по наклонениям, временам, лицам... И в то же время они изменяются по линии: внеличность (инфинитив) – личные значения – безличность. Изменяются, сохраняя на всех этих ступенях процессуальность. Эта линия грамматических изменений объединяет инфинитив со всеми глагольными формами» [там же].

Однако следует обратить внимание, что именительный падеж как исходная форма существительного, выполняя назывную функцию (называя), одновременно входит в частные парадигмы имени. В этом аспекте исходный характер инфинитива существенно отличается от исходного характера формы именительного падежа: открывающая парадигму глагола, инфинитив не входит ни в одну из частных глагольных парадигм.

Рассмотрим систему слов, называющих действие. Если обратиться к идее В.В. Колесова о максимальной абстрактизации действия путем называния его существительным, то следует сказать, что инфинитив будет занимать промежуточное положение на шкале абстрактности между личной формой глагола и существительным, обозначающим действие (например: *бегу – бежать – бег*, где максимально абстрактное – *бег*, а максимально конкретное – *бегу*).

Инфинитив обладает уникальной грамматической «опустошенностью». Формального выражения в нем не имеют категории времени, лица и наклонения. Эти грамматические «полости» могут заполняться в контексте. При этом «зерно» инфинитива может воплотиться в самый разный речевой результат. Аналогично «свернутой» формой является номинатив. Его модальная полнота достигается за счет речевой структуры.

Мы называем прегнантной такую морфологическую единицу, которая в наиболее свернутой, значимой и минимально необходимой структурно-грамматической форме воплощает определенное языковое значение. Рассмотрение языковых значений номинатива и инфинитива показывает их семантическую прегнантность. Одним из средств смыслового «развертывания» этих языковых форм

является их функционирование в структуре однородного грамматического ряда. Наш анализ показывает, что те или иные выразительные эффекты, которые выстраиваются в художественном тексте на грамматической основе ряда, находятся в зависимости, среди прочих факторов, от морфологической природы членов ряда. Наблюдается разница между номинативными рядами, членами которых являются отглагольные существительные и рядами, в основе которых существительные другого типа. Мы считаем, что на шкале выражения динамики и процессуальности ряды отглагольных существительных занимают промежуточное положение между инфинитивными рядами, где эта семантика достигает максимального выражения, и прочими номинативными рядами.

Перспективой исследования является целостное описание отглагольного номинативного ряда в системе «номинативный – инфинитивный ряд».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балли Шарль. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Шарль Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке / В.М. Брицын. – К.:Наук. думка, 1990. – 318 с.
3. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті / І.Р. Вихованець. – К., 1988. – 255 с.
4. Вихованець І.Р., Горденська К. Теоретична морфологія української мови / І.Р. Вихованець, К. Горденська. – К., 2004. – 398 с.
5. Колесов В.В. История русского языка / В.В. Колесов. – М.: Академия, 2005. – 672 с.
6. Мейе А. Общеславянский язык / А. Мейе. – М.:Изд.Иностран.лит., 1951. – 492 с.
7. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. – 275 с.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1951. – 511 с.
9. Скоробогатова Е.А. Теоретические основы описания морфологических единиц и их комбинаций в поэтическом тексте/ Е.А. Скоробогатова// Филологический сборник: Сб. науч. статей. – Харьков: ХНПУ имени Г.С. Сковороды, 2009. – С.47-55.
10. Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке: автореф. дис. на соискание науч. степени докт. фил. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык»/ Е.Н. Ширяев. – М., 1983. – 35 с.